

«КОД 1937», ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ 2007 ГОДА

*Мы вместе празднуем и плачем
на гребне пира своего.*

Б. Ахмадулина

*Их брали в ночь зачатия,
А многих — даже ранее, —
А вот живет же братия —
Моя честна компания!*

В. Высоцкий

2007 год был необыкновенно щедр на литературные юбилеи. Один за другим писатели, которых принято считать «живыми классиками», яркими представителями современного литературного процесса, праздновали свои дни рождения. Поэтому ожили снова ярко переизданные, вновь перечитанные тонкие стихи Беллы Ахмадулиной, «экзистенциальные» повести Валентина Распутина, иронические романы Василия Аксенова, сатирические — Владимира Войновича, филологическая проза Андрея Битова и часто пророческая — Владимира Маканина. В этот счастливый для читателей год была по-настоящему уникальная возможность часто видеть этих писателей, не вписанных в обойму «модных» и «раскуроченных», на экранах телевизоров (правда, в основном на телеканале «Культура»), слышать в концертных залах, читать с ними интервью в центральных газетах и журналах. В этом году их было СЛЫШНО.

Празднования литературных юбилеев 2007 г. в чем-то были неуловимо похожи друг на друга. Дети страшных сталинских тридцатых, эти писатели стали олицетворением хрущевской оттепели, времени, озвученного мелодией только что разрешенного в СССР джаза. Возможно, близость истоков и одновременность литературного старта определили формат юбилейных торжеств.

Так, Василий Аксенов праздновал свой день рождения в Казани, куда он приехал, чтобы в очередной раз перелистать собственную биографию (здесь в 1937 г. были арестованы его родители — писательница Евгения Гинзбург и крупный партийный работник Павел Аксенов). В подарок от города, с которым связано так много, писатель получил литературно-музыкальный фестиваль, названный в его же честь «Аксенов-фест». Самым ярким событием фестиваля стал литературно-джазовый концерт, стержнем которого стала совместная импровизация Василия Аксенова и известного саксофониста Алексея Козлова. В джазовом сопровождении звучали и многочисленные поздравления от друзей и коллег. Интересно, что удивительным джазовым концертом завершился и Международный форум «Империя. Четыре измерения Андрея Битова», посвященный юбилею писателя, который прошел в его родном Петербурге. Андрей Битов, на протяжении многих лет интересовавшийся черновиками Пушкина, настойчиво искал способ адекватной передачи их своеобразия. Так несколько лет назад родился его «Битов-квинтет»: писатель читает строчка за строчкой со всеми повторениями, вариантами, изменениями черновика известнейших стихотворений Пушкина, а замечательные джазовые музыканты сопровождают его. Естественно, что после такого

выступления юбиляра обычных поздравлений быть не могло. Поэтому и звучали песни в исполнении Людмилы Петрушевской и Юза Алешковского, а специально прилетевшая из «аксеновской» Казани Белла Ахмадулина читала стихи их юности.

Десять лет назад, в 1997 г., в год Огненного Быка, отмечая свое шестидесятилетие, А. Битов загорелся проектом издать антологию 1937 г.: «Я посмотрел на предыдущие века — Огненных, Кроваво-Красных Быков среди писателей было не так уж много: Алексей Константинович Толстой, Ремизов, а потом мы — всей шоблой». «Шобла» оказалась очень представительной, по сути определяющей развитие русской литературы конца XX — начала XXI в. Позже Битов нашел в истории сталинского государства и подтверждение своей теории: «Я занимался восточным календарем в минуты праздного досуга и обнаружил некоторые закономерности. 1937-й был годом Красного Быка. Меня поразило то количество рождений в моей писательской среде, которое произошло в этот год. Высоцкий первый это обнаружил в своей песне: «Но зачат я был ночью порочно и явился на свет не до срока... Получил я впервые свободу по указу от 38-го». Это не совсем верно. Указ был, как я потом обнаружил, от 27 июня 1936-го. И можете, если все были доношенными, отсчитывать 9 месяцев и смотреть, кто был порочно, а кто непорочно зачат. Люди попались в неизбежность рождения. Одновременно шли аресты и была демографическая забота, исходившая, наверное, от самого Усатого. Он издал этот указ, запрещающий аборты. И весь 1937 год набит рожденьями. Получилось, что каждый знак Зодиака оказался оплодотворенным хотя бы одним на сегодняшний день видным автором. Обычно восточный год начинается не с января, а с февраля. В феврале родился замечательный поэт Владимир Уфлянд, в марте чуть ли не в один день рождаются Распутин с Маканиным, в апреле — Белла Ахмадулина, в мае — тоже ряд людей, в том числе и я, в июне — Юнна Мориц, Лев Лосев. Далее идут Вампилов, Аверинцев. Январь 1938-го, который еще

принадлежит Быку, завершается самим Высоцким».

А. Битов постоянно оппонирует критику В. Бондаренко, автору книги «Дети 1937 года», обвиняя его в плагиате. Если не погружаться в эти споры, можно утверждать, что загадка появления яркого поколения творческой интеллигенции в столь страшное время занимает многих. Так, Бондаренко утверждает, что «став первым советским поколением по году рождения, одновременно они стали первым поколением, отстаивавшим право на свою личность, не только на общественные, но и на личностные ценности».

В году родившись роковым,
Не ведает младенец скромный,
Что урожденья приговор —
Близнец и спутник даты скорбной.
Не все ли сделались мертвы,
Не все ли разом овдовели,
Пока справлял разбой молвы
Столетний юбилей Дуэли? —

пишет рожденная в 1937 г. Белла Ахмадулина. Чтобы вскрыть «код 1937», разгадать загадку появления столь мощно заявившего о себе поколения, не достаточно говорить только о внутреннем противоречии с эпохой, о судьбе «от противного» — в то время, как уничтожается культура, исчезают в лагерях сталинского Архипелага писатели, прерывается естественный ход литературного развития, зарождается будущее литературы. Важным становится и то, что 1937 год прошел под знаком Пушкина, столетие пушкинской гибели «отмечалось» с размахом, множа многочисленные мифы о Пушкине.

«На фоне Пушкина снимается семейство», — эти слова Б. Окуджавы и об этом поколении тоже. Какая-то особая генетическая связь с Пушкиным может быть обнаружена в творчестве и Б. Ахмадулиной, и А. Битова, и В. Маканина, и многих других. В маленькой поэме «О Пушкине» Б. Ахмадулиной практически оживают все тиражируемые в современной литературе мифы о Пушкине:

Каков? — Таков: как в Африке, курчав
и рус, как здесь, где вы и я, где север.
Когда влюблен — опасен, зол в речах.
Когда весна — хмур, нездоров, рассеян.

Ужасен, если оскорблен. Ревнив.
 Рожден в Москве. Истоки крови — родом
 из чуждых пекл, где закипает Нил.
 Пульс — бешеный. Куда там нильским водам!

Гневить не следует: настигнет и убьет.
 Когда разгневан — страшно смугл и бледен.
 Когда железом ранен в жизнь, в живот,
 не стонет, не страшится, кротко бредит.

В глазах — та странность, что белок белей,
 чем нужно для зрачка, который светел.
 Негр ремесла, а рыщет вдоль аллея,
 как вольный франт.

Вполне закономерно, что именно это стихотворение читала Ахмадулина на юбилейном вечере Битова. Сам же Битов, который выпустил в 2007 г. книгу «Воспоминания о Пушкине», объяснил увлеченность Пушкиным так: «Ни одного нашего писателя не воспринимаем мы до такой степени вместе с его жизнью... Его пуля в нас болит, его рана нам светит. Пушкин — это великая утрата. И вечная память об этой утрате. Наше узнавание его есть не что иное, как род воспоминаний, именно воспоминаний, как о современнике, как о родном, как о безвременно ушедшем, как о любимом — как о реальном для нас человеке. Каждый русский вызывает его дух, и дух этот не устает к нам являться. Вплоть до воплощения, до живого ощущения, что он рядом, до желания обернуться». Книга «Воспоминание о Пушкине» — это не просто диалог с прошедшим временем, но диалог вне времени. Битов уже полвека наблюдает Пушкина как некое природное явление, в разных его состояниях. Поэт, благодаря графике многолетнего соавтора и друга Битова Резо Габриадзе, оживает на страницах книги, весело помахивает тросточкой, раскланивается с Гете и Байроном, Тютчевым и Гоголем. Битов чутко угадывал «беду» Пушкина: его преждевременность. Россия была просто не в состоянии выдержать творческой силы гения, и неизвестно выдержала ли бы теперь.

У Битова Пушкин — это, конечно, в первую очередь русский интеллигент, мучимый желанием выехать за границу, куда его не пускают, первый невыездовой. Один из лучших очерков новой книги, куда вошли би-

товские статьи и эссе о Пушкине разных лет, называется «Пушкин за границей». Поскольку Пушкина, как известно, ни в какую «заграницу» не пустили, то рассказ о Пушкине за границей — это рассказ о несбывшемся, о мечтах, о том, что могло бы быть, но — не случилось. Битов призывает на помощь Резо Габриадзе, чтобы он выдал Пушкину визу. Габриадзе, с радостью эту визу выдав, рисует прелестные картинки «Пушкин в Испании». Этому творческому дуэту принадлежит и идея установки в Михайловском памятника, который представляет собой верстовой столб с надписью «До Сенатской площади осталось 416 верст» и с фигурой сидящего на нем зайца. Битов очень любит легенду о том, как Пушкин, находившийся в декабре 1825 г. в ссылке в родовом имении Михайловское, узнал о готовящемся восстании декабристов и выехал в Петербург, чтобы принять в нем участие. По воспоминаниям самого поэта, неожиданно дорогу перед санями перебежал заяц, что по местным обычаям считалось одним из самых дурных предзнаменований. После этого Пушкин возвратился домой. Вычитая из пушкинской жизни этого и других подобных «зайцев», Битов продумывает какие-то варианты его судьбы, чтобы оценить провидческий дар поэта.

Тема вариантов пушкинской судьбы звучит и в замечательной повести А. Битова «Фотография Пушкина. 1799–2099», прекрасно переизданной в этом году. Действие происходит в 2099 г., когда «все прогрессивное человечество» празднует 300-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Происходит заседание юбилейного совета, звучат эмоциональные речи, чем-то очень напоминающие тон идеологического пушкиноведения 30–50-х гг. XX в. Игорю Одоевцеву поручают на времелете «Аутлей-1» отправиться на три века назад, в прошлое, к Пушкину, чтобы снять о нем юбилейный репортаж. Игорь летит через литературные эпохи, подобно сказочному герою (чудо будущего — времелет оказался простой тросточкой), зная по многочисленным биографиям каждый пушкинский шаг, блестяще (не забудем, что он

праправнук Левы Одоевцева, главного героя «Пушкинского дома»), чувствует себя «на вершине времени». У битовского героя реальность мешается с пушкинским мифом, фольклорным бытованием его образа, с анекдотами. Игорь оказывается в роли, несвойственной человеку, — роли Бога, ибо он знает все, что произойдет. Это *знание* мучает Игоря: «Пушкин и Петербург заполнили его, и — хватило. Он лежал целыми днями на унылой своей койке и мысленно проживал пушкинский день вточь так, как и Пушкин... Ведь Игорь все это *знал*, он все это изучил и любил, и теперь — каким же смыслом наполнялось все это, отрывочное, от параллельности (полчаса пешком) пушкинского живого существования! Он слышал за стенкой своего номера пушкинские вздохи и шаги». Битовскому герою Игорю Одоевцеву, залетевшему в пушкинское время из XXI в., не удастся сделать фотографию Пушкина — «только тень, как крыло птицы, вспархивающей перед объективом, и получилась».

Кроме общих корней детства, у сегодняшних юбиляров при всей их эстетической и художественной непохожести есть и много общих литературных воспоминаний. Поколение детей 1937 г., в юности испив глоток внешней свободы, подаренной оттепелью, придя в литературу, не пожелало уже служить миражам. Это поколение часто дышало в унисон, стремясь противостоять социалистическому канону. Одним из объединяющих их литературных проектов стал альманах «Метрополь», первоначальный замысел которого относится к 1978 г. и принадлежит В. Аксенову и В. Ерофееву; затем писатели пригласили к совместной работе Е. Попова, А. Битова и Ф. Искандера. Издание, как утверждали они в письмах в официальные инстанции, могло бы расширить картину советской литературы того времени, так как большинство авторов альманаха так или иначе занимали промежуточное положение между официальной советской «высокой литературой» и неподцензурной словесностью. «Метрополь» объединил группу из авторов, среди которых были как широко печатавшиеся профессиональные литерато-

ры (Б. Ахмадулина, А. Арканов, А. Вознесенский), так и литераторы по той или иной причине чаще выступавшие как переводчики (С. Липкин, И. Лиснянская), более известные в других областях литературы (Ю. Алешковский, Б. Вахтин), либо те, чьи литературные произведения вовсе не могли пробиться в официальную печать (Ф. Горенштейн, В. Высоцкий, Е. Рейн, Ю. Карабчиевский, Ю. Кублановский, П. Кожевников). После запрещения альманаха большинство авторов попало под негласный запрет, произведения их долгое время в советской печати не появлялись, а выходили только в русскоязычных зарубежных изданиях. Поражение «Метрополя» ударило не только по литературной судьбе многих, оно стало и своеобразным уроком поэтики. Критики позже говорили, что писатели-семидесятники предпочитали «телескопу микроскоп» и строили свою концепцию мира и человека через постижение детали, фрагмента, мгновения, это была литература экзистенциального личностного наполнения, литература духовной реформации. Эти писатели стали летописцами конца советской эпохи, они по-своему начинали литературу заново, находя новые тропы, новых, непривычных для советской литературы героев. Появление в 1970-е гг. «Пушкинского дома» А. Битова, «Предтечи» В. Маканина, «Расставания» Л. Бородина, «Утиной охоты» А. Вампилова, «Что передать вороне?» В. Распутина и многих других произведений доказывает правоту слов Битова: «Все те, кто пробовал писать в семидесятые, — все это люди того вздоха. А то, что им не дали выдохнуть в благоприятной обстановке, частично углубило их и развило, но потом же и лишило энергии. Но в результате именно в семидесятые родилось много интересных произведений». Б. Ахмадулина в поэме о своем детстве, истоках, родословной, безусловно, не смогла пройти мимо магического и страшного года своего рождения. Эти строки — голос поколения:

Ведь более удачный год
ты сможешь выбрать для рождения.
Как безопасно, как легко,
вне гнева века или ветра —

КРУГ ЧТЕНИЯ

не стать. И не принять лицо,
талант и имя человека.
Каков мерзавец! Но, среди всех затей,
любой наш год — утешен, обнадежен
неистовым рождением детей,
мельканьем ножек, пестротой одежек.
И в их великий и всемирный рев,
захлебом насыщая древний голод,
гортань прорезав чистым острием,
вонзился мой, сжегший губы голос!

В цикле «Обнуление времени», опубликованном в этом году, А. Битов рассказывает о придуманной им литературной игре, взятой напрокат из детства, игре в слова и буквы: «Из имен и фамилий наших великих авторов составила уже не только картинка, но — судьба: Петр Чаадаев — “предтеча”; Александр Пушкин — “душа” и “пушинка”; Николай Гоголь — “книга” и “глагол”; Михаил Лермонтов — “храм” и “молитва”; Лев Толстой — “тело”, “слово”, “ствол”; Федор Достоевский — “доверие”, “треск”, “фрейдист”; Антон Чехов — “нога” и “веха”; Александр Блок — “блеск”, “раскол”, “блокада”. Буквы, судьбы... Из Александра Солженицына выходит “сложение”, “единица”, “целое” (учитель математики!). Иосиф Бродский — это “собор” и “бросок”. Я убежден в

том, что в судьбе писателя все задействовано до последней буквы. С современниками всё сложнее. Из Венедикта Ерофеева у меня получился “фейерверк”. На “йоту” не хватило! Живой писатель еще защищен судьбой: Фазиль Искандер — “скафандром”; Людмила Петрушевская — “парашютом”; Белла Ахмадулина — “балдахином”».

Писатель явно провоцирует нас, читателей, поиграть в эту игру, увидеть в сложении букв нынешних юбиляров их судьбу. Напомним, в 1937–1938 гг. появились на свет Белла Ахмадулина, Андрей Битов, Александр Вампилов, Владимир Маканин, Валентин Распутин, Марк Харитонов, Марк Розовский, Мариетта Чудакова, Сергей Аверинцев, Борис Екимов, Владислав Крапивин, Виктория Токарева, Людмила Петрушевская, Юрий Коваль, Венедикт Ерофеев, Владимир Высоцкий, Эдуард Успенский, Лев Лосев, Олег Чухонцев и многие другие. Попробуйте, следуя игре Битова, сложить из букв судьбу, подобно тому, как сделал Юз Алешковский, сказав на юбилейном вечере, что *«за одного Битова двух небитых дают»*. И это необыкновенное поколение, несомненно, удивит вас еще не раз.